

Чарльз Буковски

Макулатура

Посвящается плохой литературе

Перевод с английского В. ГОЛЫШЕВА

1

Я сидел в своем кабинете, аренда кончилась, и Маккелви уже начал процедуру выселения. Стояла адская жара, кондиционер не работал. По моему столу ползла муха. Я протянул руку и ладонью выключил ее из игры. Вытер руку о штанину, и тут зазвонил телефон. Я взял трубку.

Да?

Селина читали? спросил женский голос. Он звучал чувственно. У меня давно никого не было. Годы.

Селин, сказал я. Хм-м.

Я разыскиваю Селина, сказала она. Он мне нужен.

Такой чувственный голос, меня прямо разобрало.

Селин? сказал я. Дайте мне какие-нибудь сведения. Поговорите со мной, леди. Не молчите...

Застегнитесь, сказала она.

Я посмотрел на брюки.

Как вы узнали? спросил я.

Неважно. Мне нужен Селин.

Он умер.

Нет. Найдите мне его. Он мне нужен.

А если я найду только кости?

Нет, дурак, он жив!

Где?

В Голливуде. Я слышала, что он крутится возле книжного магазина Реда Колдовски.

Так почему вы сами его не найдете?

Во-первых, я должна быть уверена, что это в самом деле Селин. Я должна знать это наверняка.

Но почему вы обратились ко мне? В городе сотни детективов.

Вас рекомендовал Джон Бартон.

А-а, Бартон, ну да. Послушайте. Мне нужен какой-нибудь аванс. И я должен встретиться с вами лично.

Буду у вас через несколько минут, сказала она.

Она повесила трубку. Я застегнул ширинку.

И ждал.

2

Она вошла.

То есть я хочу сказать это просто нечестно. Платье обтягивало ее так, что чуть не лопалось по швам. Перебирает с шоколадками. А каблуки такие высокие, что смахивают на ходульки. Она шла, как пьяный калека, ковыляла по комнате. Головокружительная роскошь тела.

Садитесь, леди, сказал я.

Она села и закинула ногу на ногу, черт-те куда, чуть не вышибла мне глаз.

Приятно видеть вас, леди, сказал я.

Пожалуйста, перестаньте пялиться. Ничего для себя нового вы не увидите.

Тут вы не правы, леди. Можно узнать ваше имя?

Леди Смерть.

Леди Смерть? Вы из цирка? Из кино?

Нет.

Место рождения?

Это несущественно.

Год рождения?

Не пытайтесь острить...

Просто хочу получить какие-то сведения...

Я как-то смешался, стал глядеть ей на ноги. Ноги для меня первое дело. Это первое, что я увидел, когда родился. Но тогда я пытался вылезти. С тех пор я стремлюсь в обратную сторону, но без большого успеха.

Она щелкнула пальцами.

Эй, очнитесь!

А? Я поднял глаза.

Речь о Селине. Помните?

Ну конечно.

Я разогнул скрепку и концом показал на нее.

Хорошо бы чек в оплату за услуги.

Конечно. Она улыбнулась: Сколько вы берете?

Шесть долларов в час.

Она вынула чековую книжку, что-то нацарапала там, вырвала чек и кинула мне. Он спланировал на стол. Я поднял его. Двести сорок долларов. Таких денег я не видел с тех пор, как угадал в экспрессе в Голливудском парке в 1988 году.

Спасибо, леди...

...Смерть, сказала она.

Да, сказал я. А теперь чуть-чуть подробнее об этом так называемом Селине. Вы что-то говорили про книжный магазин?

Он околачивался в магазине Реда, листал книжки... спрашивал о Фолкнере, о Карсон Маккалерс, о Чарльзе Мэнсоне...

Околачивается в книжном магазине? Хм...

Да, сказала она, вы знаете Реда. Любит выгонять людей из магазина. Можете истратить там тысячу долларов, потом задержитесь на лишнюю минуту-другую, и Ред скажет: «А не убраться ли тебе к чертям?» Ред хороший человек, но с приветом. Короче говоря, он все время вышвыривает Селина.

Селин идет в бар Муссо и сидит там грустный. Через день-два приходит снова, и все повторяется.

Селин умер. Селин и Хемингуэй умерли тридцать два года назад. Один, и через день другой.

Я знаю о Хемингуэе. Хемингуэй у меня.

Вы уверены, что это был Хемингуэй?

О да.

Так почему вы не уверены, что Селин в самом деле Селин?

Не знаю. Какой-то у меня с ним затор. Никогда такого не было. Может, я слишком долго в этом бизнесе. И вот пришла к вам. Бартон вас хвалит.

И вы полагаете, что настоящий Селин жив? Он вам нужен?

Ужасно, малыш.

Билейн. Ник Билейн.

Хорошо. Билейн. Мне нужна определенность. Что это в самом деле Селин, а не какой-то недоделанный хотень. Слишком много их развелось.

Мне ли не знать.

Так приступайте. Мне нужен лучший писатель Франции. Я долго ждала.

Она встала и вышла вон. Никогда в жизни я не видел такого зада. Не поддается описанию. Не поддается ничему. Не мешайте мне сейчас. Я хочу о нем подумать.

3

На другой день.

Я отменил свое выступление перед Торговой палатой в Палм-Спрингс.

Шел дождь. Потолок протекал. Дождь капал сквозь потолок плям, плям, плям, и плям, и плям, плям, плям, плям, и плям, и плям, плям, и плям, и плям, и плям, плям, плям, плям...

Я согревался с помощью sake. Но как согревался? До нуля градусов. Вот мне 55 лет, а у меня нет горшка, чтобы подставить под капель. Отец предупреждал меня: кончишь тем, что будешь спускать в кулак на чьем-нибудь чужом крыльчке в Арканзасе. Ну, время еще есть. Автобусы туда отправляются каждый день. Только у меня от них запор, и там всегда храпит какой-нибудь старпер с вонючей бородой. Пожалуй, лучше заняться Делом Селина.

Селин ли Селин или кто-нибудь еще? Иногда мне казалось, что я не знаю даже, кто я такой. Ладно, я Ники Билейн. Но это не точно. Кто-нибудь заорет: «Эй, Гарри! Гарри Мартел!» И я скорее всего откликнусь: «Да, в чем дело?» В смысле я могу быть кем угодно, какая разница? Что в имени тебе моем?

Жизнь странная штука, правда? В бейсбольную команду меня всегда включали последним знали, что могу запулить их паршивый мяч к чертовой матери в Денвер. Завистливые хорьки!

Я был талантлив, и сейчас талантлив. Иногда я смотрел на свои руки и видел, что мог стать великим пианистом или еще кем-нибудь. И чем же занимались мои руки? Чесали яйца, выписывали чеки, завязывали шнурки, спускали воду в унитазе и т.д. Прошляпил я свои руки. И мозги.

Я сидел под дождем.

Зазвонил телефон. Я вытер его насухо просроченным извещением из Налогового управления, поднял трубку.

Ник Билейн, сказал я. Или я Гарри Мартел?

Это Джон Бартон, раздалось в трубке.

Да, вы меня рекомендовали, спасибо.

Я наблюдал за вами. У вас есть талант. Немного неотшлифованный, но в этом его прелесть.

Приятно слышать. Дела идут плохо.

Я наблюдал за вами. Все наладится, надо только потерпеть.

Да. Чем могу служить, мистер Бартон?

Я пытаюсь обнаружить Красного Воробья.

Красного Воробья? Что еще за птица?

Я уверен, что он существует. Просто надо его найти, я хочу, чтобы вы его нашли.

Ниточки какие-нибудь есть?

Нет, нет, но я уверен, что Красный Воробей где-то там.

У этого Воробь есть имя, или как?

В каком смысле?

В смысле имя. Ну, Генри или Абнер. Или Селин?

Нет, это просто Красный Воробей, и я не сомневаюсь, что вы можете его найти. Я в вас верю.

Это будет стоить вам, мистер Бартон.

Если найдете Красного Воробья, я буду платить вам сто долларов в месяц до конца жизни.

Хм-м... Слушайте, а может, дадите все вперед чохом?

Нет, Ник, вы спустите их на бегах.

Хорошо, мистер Бартон, дайте мне ваш номер телефона, и я этим займусь.

Бартон дал мне номер телефона и сказал:

Я очень на вас надеюсь, Билейн.

И повесил трубку.

Так, дела пошли на лад. Но потолок протекал еще сильнее. Я страхнул с себя несколько капель, врезал саке, скрутил

сигаретку, зажег, вдохнул и закашлялся от дыма. Потом надел мой коричневый котелок, включил автоответчик, медленно подошел к двери, открыл ее... Там стоял Маккелви. У него была широченная грудь и плечи словно подбитые ватой.

Тво аренда кончилась, гнида! рявкнул он. Выметайся отсюда в жопу!

Тут я обратил внимание на его брюхо. Оно напоминало мягкую гору дерьма, и кулак мой утонул в ней. Маккелви согнулся пополам, я встретил его лицо коленом. Он упал, откатился в сторону. Отвратное зрелище. Я подошел, вытащил его бумажник. Фотографии детей в порнографических позах.

Не убить ли его, подумал я. Но вместо этого взял его кредитную карточку «Золота Виза», пнул его в зад и спустился на лифте.

Решил пойти в магазин Реда пешком. Когда я на машине, меня вечно штрафуют за неправильную парковку, а платные стоянки мне не по карману.

Я шел к Реду в угнетенном настроении. Человек рождается, чтобы умереть. Что это значит? Болтаешься и ждешь. Ждешь маршрута А. Августовским вечером ждешь пару больших грудей в гостиничном номере Лас-Вегаса. Ждешь, когда заговорит рыба. Когда свистнет рак. Болтаешься.

Ред был на месте.

Тебе повезло, сказал он, разминулся с этим пьяницей Чинаски. Приходил тут, хвастался своей новой серией марок.

Это ладно, сказал я. У тебя есть подписанный экземпляр «Когда я умирала» Фолкнера?

Конечно.

Сколько стоит?

Две тысячи восемьсот долларов.

Я подумаю...

Прошу прощения, сказал Ред.

Он повернулся к человеку, листавшему первое издание «Домой возврата нет».

Пожалуйста, поставьте книгу в шкаф и убирайтесь к чертовой матери!

Это был хрупкий человечек, весь согнутый. И одет в какой-то желтый резиновый костюм.

Он поставил книгу в шкаф и прошел мимо нас к двери; глаза у него были на мокром месте. А дождь на улице перестал. Желтый резиновый костюм был ни к чему.

Ред посмотрел на меня.

Можешь представить, некоторые из них приходят сюда, облизывая мороженое!

Могу представить себе кое-что похуже.

Тут я заметил, что в магазине еще кто-то есть. Он стоял в глубине. Я, кажется, узнал его по фотографиям. Селин. Селин?

Я медленно подошел к нему. Совсем близко. Уже мог разглядеть, что он читает. Томас Манн. «Волшебная гора».

Он увидел меня.

У этого парня проблема, сказал он, подняв книгу.

Какая же? спросил я.

Он считает скуку Искусством.

Он поставил книгу на полку и стоял передо мной, похожий на Селина.

Я посмотрел на него.

Это поразительно, сказал я.

Что?

Я думал, вы умерли, сказал я.

Он посмотрел на меня.

Я думал, что вы тоже умерли, сказал он.

Мы стояли и смотрели друг на друга.

Потом я услышал Реда.

ЭЙ, ТЫ! заорал он. УБИРАЙСЯ ОТСЮДА К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ!

Нас было только двое.

Кому из нас убираться? спросил я.

ТОМУ, КОТОРЫЙ ПОХОЖ НА СЕЛИНА! УБИРАЙСЯ ОТСЮДА К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ!

Но почему? спросил я.

Я СРАЗУ ВИЖУ, КОГДА ОНИ НЕ СОБИРАЮТСЯ ПОКУПАТЬ!

Селин, или кто он там, направился к выходу. Я за ним.

Он пошел к бульвару, остановился у газетного киоска.

Сколько помню, этот киоск стоял там всегда. Я вспомнил, как двадцать или тридцать лет назад подцепил там трех проституток. Я отвел их всех к себе домой, и одна дровича моей собаке. Им это казалось забавным. Они были пьяные и на колесах. Потом одна проститутка пошла в ванную, упала там, разбила голову о край унитаза и все вокруг залила кровью. Я подтирал за ней большими мокрыми полотенцами. Потом уложил ее в постель, посидел с остальными, и наконец они ушли. Та, что в постели, пробыла еще четыре дня и четыре ночи, выпила все мое пиво и без конца говорила о своих двух детях в восточном Канзас-Сити.

А этот человек Селин? стоял у киоска и читал журнал. Подойдя ближе, я разглядел, что это «Нью-Йоркер». Селин(?) положил его на место и посмотрел на меня.

У них только одна проблема.

Какая?

Они просто не умеют писать. Ни один из них.

Мимо проезжало пустое такси.

ЭЙ, ТАКСИ! крикнул Селин.

Такси притормозило, он подскочил к машине, задняя дверь открылась, и он влез.

ЭЙ! закричал я. Я ХОТЕЛ У ВАС СПРОСИТЬ!

Такси промчалось к Голливудскому бульвару. Селин высунулся из окна, показал мне средний палец. И уехал.

Первый раз за десятки лет я повстречал в этих местах такси то есть незанятое, без пассажира.

Ну, дождь перестал, но тоска не проходила. К тому же стало прохладно, и пахло так, как будто кто-то мокрый испортил воздух.

Я втянул голову в плечи и отправился к Муссо.

У меня была кредитна карточка «Золотая Виза». Я был жив. И кажется, даже стал ощущать себя Ники Билейном. Я стал напевать мотивчик Эрика Коутса:

Ад таков, каким ты его устроишь.

4

Я посмотрел в словаре Вебстера. Селин, 18911961. На дворе был 1993-й. Если он жив, значит, ему 102 года. Неудивительно, что ЛЕДИ СМЕРТЬ его разыскивает.

А тот, в книжном магазине, выглядел на 4050. Ну ясно. Он не Селин. Или же он придумал, как победить процесс старения. Взять кинозвезд: они снимают кожу с зада и приживляют к лицу. На задю кожа морщится позже всего. Последние годы они дохаживают с ягодицами вместо лиц. Пошел бы на это Селин? Кому охота дожить до 102 лет? Только дураку. И с чего бы Селину захотелось жить так долго? Все это какое-то сумасшествие. Леди Смерть сумасшедшая. Я сумасшедший.

Пилоты авиалайнеров сумасшедшие. Никогда не смотри на пилота. Поднимайся на борт и заказывай выпивку.

Я понаблюдал, как трахаются две мухи, и решил позвонить Леди Смерти. Растегнул ширинку и ждал ответа.

Алло, слышалс ее голос.

М-м-м, сказал я.

Что? А, это вы, Билейн. Как продвигаетс дело?

Селин мертв. Он родился в 1891 году.

Статистика мне известна, Билейн. Слушайте, я знаю, что он жив... где-то... и в книжном магазине мог быть он. Вы что-нибудь выяснили? Он мне нужен. Очень нужен.

М-м-м... сказал я.

Застегнитесь.

А?

Дурак, я сказала застегнись.

А?... Сейчас...

Я должна определенно знать, *есть* он или *нет* его. Я вам сказала: у меня с ним не клеится. Психологический тормоз. Бартон рекомендовал вас, сказал, что вы один из лучших.

А, да, кстати, как раз сейчас работаю на Бартона. Пытаюсь разыскать Красного Воробья. Что вы об этом думаете?

Слушайте, Билейн, распутайте историю с Селином, и я вам *скажу*, где Красный Воробей.

В самом деле, леди? О, я бы для вас что угодно сделал!

Ну например!

Ну, убил бы моего любимого таракана, выпорол бы ремнем мать, если бы она была здесь...

Хватит молоть! Я начинаю думать, что Бартон меня разыграл. Беритесь-ка лучше за дело. Или вы распутаете историю с Селином, или я *за вами* приду.

Одну минутку, леди.

Трубка у меня в руке молчала. Я положил ее на рычаг. Ох. За мной-то она явится без всяких тормозов.

Меня ждала работа.

Я поискал глазами: нет ли где мухи, чтобы убить.

Дверь распахнулась, на пороге стоял Маккелви и большая слабоумная куча дерьма. Маккелви посмотрел на меня и кивнул на кучу.

Это Томми.

Томми смотрел на меня мутными глазками.

Очень приятно, сказал он.

Маккелви улыбнулся мне жуткой улыбкой.

Так вот, Билейн, Томми здесь с одной целью, и эта цель медленно превратит вас в лепешку кровавого куриного говна. Так, Томми?

Угу, сказал Томми.

По виду он весил килограммов сто семьдесят. Ну, состричь на нем шерсть будет этак сто шестьдесят.

Я любезно улыбнулся ему.

Слушай, Томми, ты ведь меня не знаешь, правда?

Угу.

Так зачем тебе меня бить?

Потому что мистер Маккелви так велел.

Томми, а если мистер Маккелви велит тебе выпить твое пи-пи, ты выпьешь?

Ты не путай моего парня! сказал Маккелви.

Томми, а если мистер Маккелви велит тебе съесть мамино ка-ка, ты съешь мамино ка-ка?

А?

Заткнись, Билейн, здесь разговариваю я!

Он повернулс к Томми.

А ну-ка, разорви мне этого типа, как старую газету, разорви его в клочья и пусти к чертям по ветру, понял?

Я понял, мистер Маккелви.

Ну так чего ты ждешь, последней розы лета?

Томми шагнул ко мне. Я вынул из ящика стола люгер и навел на исполинскую тушу.

Стой, Томас, или сейчас тут будет больше красного, чем на всех футболках стенфордской команды!

Э, сказал мистер Маккелви, откуда у тебя эта штука?

Сыщик без машинки все равно что кот с презервативом. Или часы без стрелок.

Билейн, сказал Маккелви, ты чушь порешь.

Мне уже говорили. А теперь скажи своему парню «тпру», или я проделаю в нем такое окошко, что арбуз пройдет!

Томми, сказал Маккелви, отойди назад и встань передо мной.

Томми повиновался. Теперь надо было решить, что с ними делать. Это было непросто. В Оксфорде мне стипендию не платили. Биологию я проспал и в математике не отличался. Но до сих пор умудрялся остатьс в живых.

Кажется.

А пока что я сдал себе некоего туза из некоей заряженной колоды. Ход был за мной. Сейчас или никогда. Приближался сентябрь. Вороны держали совет. Солнце исходило кровью.

А ну-ка, Томми, сказал я, на четвереньки! Живо!

Он посмотрел на меня так, как будто не очень хорошо слышал.

Я холодно улыбнулся ему и шелкнул предохранителем.

Томми был глуп, но не окончательно.

Он упал на четвереньки, встряхнув весь 6-й этаж, как землетрясение в 5,9 балла. Мой фальшивый Дали упал на пол. Тот что с подтаявшими часами.

Глыбясь как Большой Каньон, Томми глядел на меня снизу.

А теперь, Томми, сказал я, ты будешь слоном, а Маккелви будет погонщиком!

А? сказал Томми.

Я посмотрел на Маккелви.

Давай-давай! Залезай!

Билейн, ты спятил?

Как знать? Безумие относительно. Кто определяет норму?

Я не знаю, сказал Маккелви.

Залезай давай!

Ладно, ладно. Но у меня никогда не было таких неприятностей с должниками.

Залезай, жопа!

Маккелви вскарабкался на Томми. Но свесить ноги ему было трудно. Он чуть вдоль не разорвался.

Хорошо, сказал я. Теперь, Томми, ты слон, и ты повезешь Маккелви по коридору к лифту. Приступай!

Томми пополз из кабинета.

Билейн, сказал Маккелви, я тебе отплачу. Клянусь лобком моей матери!

Залупись еще раз, Маккелви, и я заткну твой член в мусоропровод!

Я открыл дверь, и Томми со своим погонщиком уполз из кабинета.

Он пополз по коридору, а я, засовывая люгер в карман пиджака, нащупал там что-то скомканный листок. Я вынул его. Мои письменные ответы на экзамене, когда я пересдавал на водительские права. Все исчеркано красным. Я провалился.

Я бросил бумажку за спину и последовал за моими друзьями.

Мы подошли к лифту, и я нажал кнопку.

Я стоял, напевая мотивчик из «Кармен».

И вдруг вспомнил, как давным-давно прочел в газете о смерти Джимми Фоккса в номере какой-то загаженной гостиницы. Такой бейсболист и умер среди клопов.

Подошел лифт. Дверь открылась, и я дал Томми пинка. Он вполз в кабину со своим наездником. Там стояли трое, читали газеты.

Продолжали читать. Кабина пошла вниз.

Я спустился по лестнице. Во мне было пятнадцать килограммов лишнего веса. Надо было сгонять.

Я насчитал 176 ступенек и очутился на первом этаже. Остановился у табачного киоска, купил сигару и «Программу бегов». Лифт приближался.

На улице я решительно окунулся в смог. Глаза у мен были голубые, а туфли старые, и никто меня не любил. Но меня ждала работа.

Меня, Ники Билейна, частного сыщика.

5

К сожалению, в этот день меня занесло на бега, а вечером я напился. Но времени зря не терял, мыслил, анализировал факты. Все были у меня в руках. В любую минуту головоломка могла решиться. Это точно.

На другой день я рискнул вернуться в кабинет. В конце концов, какой же ты сыщик без кабинета?

Я открыл дверь и кого же я вижу за своим столом? Не Селина. Не Красного Воробья. Маккелви. Он улыбнулся мне приторной фальшивой улыбкой.

Доброе утро, Билейн, как они качаются?

Почему ты спрашиваешь? Хочешь взглянуть?

Нет, спасибо.

Потом он почесал свои и зевнул.

Ну Ники, мой мальчик, твоя аренда оплачена на год вперед каким-то таинственным благодетелем.

Леди Смерть с тобой играет, раздался голос у меня в голове.

Кто-нибудь из знакомых? спросил я.

Я честью моей матери поклялся никому не говорить.

Честью твоей матери? Она гусиных шеек перетрогала больше, чем любая птичница!

Маккелви встал из-за стола.

Спокойно, сказал я ему. Если не хочешь очутиться в помойном ведре.

Мне не нравится, что ты проезжаешься по моей матери.

А что такого? Полгорода на ней проехалось.

Маккелви вышел из-за стола мне навстречу.

Еще шаг, сказал я, и твоя голова будет дышать тебе в очко.

Он остановился. Когда меня заведут, я страшен.

Ладно, сказал я, давай подробнее. Этот благодетель... он женщина, так или нет?

Да. Да. В жизни не видел такой красотки!

Глаза у него замаслились, впрочем, они всегда были масляные.

Ну же, Мак, подробней, говори дальше...

Не могу. Я обещал. Честью матери.

ТЬфу ты, сказал я. Ладно. Убирайся, помещение оплачено.

Маккелви зашаркал к двери. Потом оглянулся на меня через левое плечо.

Хорошо, сказал он, только ты тут не пачкай. Никаких вечеринок, никаких карт, никакой фигни. У тебя еще год. Он подошел к двери, открыл ее, закрыл ее и был таков.

7

Итак, я опять у себ в кабинете.

Пора за работу. Я взял телефон и набрал моего букмекера.

Тони, «Пицца на дом», ответил он, к вашим услугам.

Я назвал ему свое кодовое имя.

Это мистер Кончина.

Билейн, сказал он, за тобой 475 долларов, ставку у тебя не приму. Сперва расплатись с долгом.

Я поставлю 25, и они привезут мне полкуска. А проиграю все отдам, клянусь честью мамы.

Билейн, за твоей мамой 230 долларов.

Да? А у твоей бородавки на жопе!

Что? Послушай, Билейн, ты был?..

Нет, нет. Это был другой. Он сказал мне.

Тогда ладно.

Ладно, запиши: 25 на Белую Бабочку в шестом заезде.

Принято. Желаю удачи. А то она, кажется, тебя забыла.

Я повесил трубку. Гадство. Человек рождается, чтобы сражаться за каждый дюйм земли. Рождается, чтобы сражаться, рождается, чтобы умереть.

Я подумал над этим. И подумал над этим.

Потом откинулся в кресле, хорошенько затянулся и выдул почти идеальное кольцо.

8

После ленча я решил вернуться в кабинет. Я открыл дверь, за моим столом сидел человек. Не Маккелви. Я не знал его. Люди любили садиться за мой стол. И кроме сидящего человека был еще один, стоящий. Вид у обоих недобрый, спокойный, но недобрый.

Меня зовут Данте, сказал тот, что сидел.

А меня зовут Фанте, сказал тот, что стоял.

Я ничего не сказал. Я блуждал в потемках. По спине у меня пробежал холодок и вылетел в потолок.

Нас послал Тони, сказал сидячий.

Не знаю Тони. Вы, джентльмены, не ошиблись адресом?

Ну прямо, сказал стоячий.

А Данте сказал:

Белая Бабочка сошла.

Сбросила жокея на старте, сказал Фанте.

Вы шутите.

Не шучу. Спроси у пыли.

Не сгоношился твой гандикап, сказал Данте.

И Тони говорит, ты должен нам полкуса, сказал Фанте.

А-а, это, сказал я, они у меня тут...

Я направился к столу.

Не дергайся, лох, засмеялся Данте. Мы конфисковали твою пукалку.

Я отступил.

Теперь ты понял, сказал Фанте, что мы не позволим тебе приятно дышать воздухом, пока ты должен Тони полкуска?

Дайте мне три дня...

У тебя три минуты, сказал Данте.

Ну почему? спросил я. Почему вы, ребята, говорите по очереди? То Данте, то Фанте, то один, то другой и никогда не собьетесь?

Мы тут кое-что другое собьем, отозвались они хором. Тебя.

Это было неплохо, сказал я. Мне нравится. Дуэт.

Заткнись, сказал Данте. Он вынул сигарету и взял в рот. Хм, кажется, я забыл зажигалку. Поди-ка, мудила, дай огоньку.

«Мудила»? Ты с собой говорил?

Нет, с *тобой*, мудила, поди сюда. Дай огня! Живо!

Я отыскал зажигалку, подошел, остановился перед одной из самых отвратных морд, какие видел в жизни, щелкнул зажигалкой, поднес огонь к его сигарете.

Умница, сказал Данте, теперь возьми эту сигарету из моего рта и сунь в свой горячим концом вперед и держи, пока не скажу вынуть.

Ну прямо, сказал я.

А нет, сказал Фанте, мы продлаем в тебе такую дырку, что эльфы из Диснейленда там смогут танцевать.

Подождите минуту....

У тебя 15 секунд, сказал Данте и вынул секундомер. Пустил его и сказал: Поехали. 14, 13, 12, 11...

Вы серьезно?

10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3...

Я услышал щелчок предохранителя.

Я выдернул сигарету у Данте изо рта и сунул себе, горящим концом. Я пытался выделить побольше слюны и убрать язык подальше, но напрасно меня достало, достало как следует, БОЛЬНО!!! Это было подло и больно! Я закашлялся и невольно выплюнул эту штуку.

Шалун! сказал Данте. Я велел тебе держать, пока не скажу. Теперь придется начать сначала.

Сволочь, сказал я. Убей меня!

Ладно, сказал Данте.

Но в эту секунду отворилась дверь и вошла Леди Смерть. И как упакованная! Я чуть не забыл про свой язык.

Ого, сказал Данте, вот это краля! Ты знаешь ее, Билейн?

Встречались.

Она подошла к креслу, села, закинула ногу на ногу, и юбка задралась еще выше. Мы прямо ослепли от этих ног. Даже я а я их уже видел.

Что за шуты гороховые? спросила она меня.

Эмиссары человека по имени Тони.

Выгони их, твой клиент я.

Ну все, ребята, сказал я. Пора уходить.

Да ну? сказал Данте.

Да ну? сказал Фанте.

И стали смеяться. Потом вдруг перестали.

Ну ты комик, сказал Фанте.

Да, сказал Данте.

Я их выпровожу, сказала Леди Смерть.

И стала смотреть на Данте. А о

И стала смотреть на Данте. А он сразу стал оседать в кресле. Он сделался бледным.

Ой, сказал он, я плохо чувствую...

Он стал белым, потом стал желтым.

Мне нехорошо, сказал он, ой, как нехорошо...

Может, это от рыбных палочек, сказал Фанте.

Палочек, шамалочек, надо уходить отсюда! Мне нужен врач или кто-нибудь такой...

Тогда она стала смотреть на Фанте. И Фанте сказал:

Голова закружилась... Что такое?.. Свет мелькает... Ракеты вспыхивают... Где я?

Он пошел к двери, Данте за ним. Они открыли дверь и побрели к лифту. Я вышел посмотреть, как они уедут. Посмотрел на них перед тем, как закрылась дверь. Они выглядели ужасно. Ужасно.

Я вернулся в комнату.

Спасибо, сказал я, вы меня выручили...

Я огляделся. Ее не было. Заглянул под стол. Никого. Заглянул в ванную. Никого. Открыл окно и выглянул на улицу. Никого. То есть народу много, но ее не было. Могла бы хоть попрощаться. И все же это был милый визит.

Я снова сел за стол. Потом взял трубку и набрал номер Тони.

Да? сказал он. Это...

Тони, говорит мистер Кончина.

Что? Ты еще можешь говорить?

Отлично могу, Тони. В жизни не чувствовал себя лучше.

Я не понимаю, как...

Тут были твои мальчики, Тони...

Ну? Ну?

На этот раз они легко отделались. Пришлешь их еще раз они к тебе не вернуться.

Я слышал в трубке его дыхание. Он очень смущенно дышал. Потом дал отбой.

Из левого нижнего ящика я вынул бутылку шотландского виски, отвернул пробку и врезал.

Наедешь на Билейна будешь иметь неприятности. Очень просто.

Я закупорил бутылку, положил в ящик и задумался, что делать дальше. У хорошего сыщика всегда найдется дело. Вы видели это в кино.

9

В дверь постучали. Пять раз, быстро, громко, настойчиво.

Я всегда определяю по стуку. Определяю, что стук плохой, не открываю.

Этот был наполовину плохой.

Войдите, сказал я.

Дверь распахнулась. Мужчина, пятидесяти с лишним, отчасти богатый, отчасти нервный, ноги великоваты, слева на лбу бородавка, глаза карие, галстук. 2 автомобиля, 2 дома, бездетный. Бассейн, воды, играет на бирже, довольно глуп.

Он стоял, слегка потел и глядел на меня.

Садитесь, сказал я.

Я Джек Басс, сказал он, и...

Знаю.

Что?

Вы думаете, что ваша жена совокупляется с кем-то или с кем-то.

Да.

Ей двадцать с чем-то.

Я хочу получить доказательства, а потом хочу получить развод.

К чему эти хлопоты, Басс? Разведитесь, и все.

Мне нужны доказательства, что она... она...

Плюньте. И так и так она получит свои деньги. На дворе Новая Эра.

Это как понять?

Называется: развод без претензий. Не важно кто что вытворял.

Как это?

Ускоряет отправление правосудия в судах не такая толкучка.

Но какое же это правосудие?

Там считают иначе.

Басс сидел в кресле, дышал и смотрел на меня. Мне надо распутать дело Селина, разыскать Красного Воробья, а тут этот дряблый пузырь, озабоченный тем, что кто-то заделывает его жене.

Наконец он заговорил.